

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ РИТУАЛ КОЧЕВНИКОВ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ САЯНО-АЛТАЯ *

В ходе многолетних работ на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины исследовано значительное количество погребальных памятников тюркской культуры. Накоплен определенный опыт в области интерпретации результатов раскопок. При этом остаются вопросы, рассмотренные фрагментарно и требующие дальнейшего целенаправленного изучения. В статье представлены основные итоги анализа различных компонентов погребального ритуала населения Саяно-Алтая тюркского времени. В ходе работы учитывалось более 300 объектов указанной общности. Рассмотрены такие показатели, как ориентация, положение умерших, а также специфика сопроводительного захоронения лошади. Систематизация материалов позволила выделить две группы памятников, для которых характерен различный стандарт погребального ритуала. Приведены возможные объяснения специфики зафиксированных традиций. Сопоставление полученных данных с результатами изучения других элементов погребального обряда тюркской культуры позволит более детально рассматривать историко-культурные и этносоциальные процессы на территории Саяно-Алтая в раннем средневековье.

Ключевые слова: Саяно-Алтай, раннее средневековье, тюркская культура, погребальный ритуал, сопроводительное захоронение лошади, ориентация и положение погребенных.

Одним из основных и наиболее информативных источников для изучения различных аспектов истории кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая являются погребальные памятники. Систематизация элементов обряда позволяет рассматривать специфику этнокультурных процессов в регионе, осуществлять характеристику социальной организации общества кочевников, а также затрагивать вопросы, связанные с реконструкцией комплекса мировоззренческих представлений кочевников. На сегодня в результате полевых работ, проведенных представителями различных исследовательских центров на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины, раскопано более 300 погребений тюрков раннего средневековья. Имеется определенный опыт в области интерпретации полученных материалов. При этом многие вопросы рассмотрены крайне фрагментарно или остаются

дискуссионными, поэтому очевидна необходимость целенаправленной проработки целого ряда аспектов в рамках обозначенной тематики. В настоящей статье представлены результаты анализа погребального ритуала кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая.

Погребальный обряд древних и средневековых обществ состоял из значительного количества практических действий, каждое из которых несло определенную смысловую нагрузку. Условно он может быть представлен как система, состоящая из трех основных элементов – ритуала погребения, наземных и внутримогильных конструкций, сопроводительного инвентаря [Грач, 1975. С. 158; Массон, 1976. С. 150; Леонова, Смирнов, 1977. С. 19–20; Ольховский, 1993. Рис. 4]. В свою очередь каждый из обозначенных компонентов включает целый ряд признаков.

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009–1.1–301–072–016).

Основными показателями погребального ритуала кочевников тюркской культуры являются положение и ориентация умершего, а также захоронения животного, нередко сопровождавшего человека. Различия в обозначенных признаках объясняются многими факторами, важнейшим из которых является комплекс мировоззренческих представлений. Обобщение результатов работ в широком хронологическом и территориальном диапазонах позволило А. В. Подосинову [1999] продемонстрировать перспективность исследований в указанном направлении. При этом очевидно, что объективно изучить тенденции в ориентации и положении погребенных можно лишь при условии всестороннего исследования конкретных общностей.

В ходе изучения археологических памятников кочевников тюркской культуры исследователи нередко обращали внимание на определенные закономерности в ориентации объектов или их отдельных элементов в пространстве. Некоторые наблюдения были сделаны при изучении поминальных памятников (оградок, изваяний, балбалов и «княжеских» комплексов) на различных территориях Центральной Азии (см.: [Гумилев, 1959; Евтюхова, 1952; Грач, 1961; Кубарев, 1979; 2001; Ермоленко, 1991; Войтов, 1996; Дубровский, 2005] и др.). Не меньший интерес вызывали особенности представлений тюрков о сторонах света, отраженные в погребальном обряде. Вопрос об ориентации умерших рассматривался в нескольких аспектах. В первую очередь, предпринимались попытки интерпретации направленности головы погребенного в определенный сектор горизонта. Большинство исследователей ограничивались констатацией почитания раннесредневековыми кочевниками стороны восхода солнца, опираясь зачастую на информацию, зафиксированную в письменных источниках. Но предлагались и оригинальные концепции. Развернутое объяснение ситуации, которая зафиксирована при изучении значительного количества погребальных памятников тюркской культуры, представила Б. Б. Овчинникова [1983]. По ее мнению, в погребальной практике кочевников отразились не только культ восходящего солнца, но и представление о том, что страна мертвых находится на западе. Поэтому покойник должен быть обращен головой на восток, а лицом – в иной мир, что подтвер-

ждает и преобладающее направление лошади в сторону захода солнца. Данное положение получило развитие в работе С. П. Нестерова [1990. С. 51–85]. Особое внимание исследователь обратил на определение роли коня в погребальной практике тюркских племен, подчеркнув транспортную функцию животного при переходе в иной мир.

Вопрос о традициях в ориентации погребенных в курганах тюрков приобрел особое значение в связи с проблемой датировки комплексов, а также выделением хронологических этапов развития культуры раннесредневековых кочевников. Мнение о наличии связи между временем погребения и традицией в ориентировке впервые высказал О. Прицак, отметивший, что ранние тюрки имели северную ориентацию, позже смененную ими на восточную [Подосинов, 1999. С. 423–424]. В дальнейшем вопрос о возможности корреляции ориентировки погребенных с общей датировкой памятника решался, в основном, на материалах тюркской культуры, полученных с территории Тувы. Наиболее последовательно свою точку зрения излагал А. Д. Грач, первоначально выделивший два основных этапа в развитии культуры тюрков: VI–VII вв., когда характерной являлась восточная ориентация человека и противоположная лошади; VIII–IX вв., основной чертой которого является преобладание направления погребенного головой на север, северо-запад, а сопровождавшего его животного – на юг или юго-восток [Грач, 1960. С. 146–148; 1961. С. 91; Грач, Нечаева, 1960. С. 191]. В последующие годы автором был обозначен и третий период (IX–X вв.), отличающийся отсутствием коня и ориентацией умершего человека головой на север, северо-запад [Грач, 1966. С. 190], при этом в качестве наиболее ранних объектов тюрков были обозначены погребения по обряду трупосожжения. Такую концепцию поддержали Ю. И. Трифионов [1971. С. 121] и В. А. Грач [1982. С. 163], подчеркнувшие, что отмеченные закономерности следует распространять только на территорию Тувы, в то время как А. Д. Грач не исключал общей ситуации для всех регионов существования тюркской культуры в Центральной Азии. Противоположной позиции придерживался Л. Р. Кызласов [1965; 1969. С. 18–19, 178], в ряде работ отметивший, что для VI–VII вв. характерна меридиональная ориентация умер-

ших (юг – север), а для VIII–IX вв. – широтная (запад – восток). Учитывали определенную зависимость общей ориентировки погребения и его хронологической позиции Д. Г. Савинов [1973. С. 236] и В. А. Могильников [1981. С. 34]. Другие же специалисты, предлагая свои варианты периодизационной схемы, отметили отсутствие прямой зависимости между сектором горизонта, в который направлены погребенные, и этапом развития тюркской культуры [Гаврилова, 1965. С. 65; Вайнштейн, 1966. С. 76–79]. Не согласен с самой возможностью резкого изменения традиций в реализации рассматриваемого элемента погребального ритуала А. В. Подосинов [1999. С. 424], отметивший глубокую связь ориентационных признаков с особенностями мировоззренческих представлений древнего общества.

Краткий историографический обзор позволяет в общем виде обозначить круг вопросов, связанных с рассмотрением вариаций в ориентировке и положении человека и животного в курганах кочевников тюркской культуры. В данной статье предпринимается попытка на основе, в первую очередь, археологических материалов, а также привлечения сведений письменной истории и данных этнографии, рассмотреть обозначенные показатели.

Источниковую базу исследования составили более 300 погребений тюркской культуры, исследованных на территории Горного Алтая, Тувы и Минусинской котловины. При этом анализу были подвергнуты только те объекты, для которых имелась информация по всем интересующим нас признакам. В работе использовались, прежде всего, опубликованные материалы, а также доступные отчеты о полевых исследованиях, в которых представлены результаты раскопок, не введенные в научный оборот.

Исследование проводилось на нескольких уровнях. Первоначально традиции в ориентации и положении человека и животного рассматривались для каждой территории по отдельности. Далее происходило сравнение полученных результатов. Подобный подход призван выявить общие и особенные черты в интересующих нас элементах погребального обряда носителей тюркской культуры в различных регионах ее распространения, что позволит поставить ряд вопросов, связанных с отдельными чер-

тами мировоззрения кочевников, этнокультурными контактами кочевников в раннем средневековье и т. д. В связи с тем, что преобладающим вариантом погребального обряда обозначенной общности являлась ингумация с лошастью (иногда в силу различных причин она заменялась на овцу), мы посчитали необходимым учитывать также ориентацию животного и его положение в могильной яме по отношению к человеку. Обратим внимание на то, кенотафы и «самостоятельные» захоронения лошадей рассматривались отдельно. Опыт интерпретации подобных объектов представлен нами в ряде специальных публикаций [Серегин, 2008; Дашковский, Серегин, 2008. С. 89–94], поэтому в настоящей статье данная информация не приводится.

Уже на начальном этапе работы в рамках исследуемой совокупности объектов было выделено две группы памятников, существенно различающихся по ряду показателей. В первую условно включены погребения тюркской культуры Горного Алтая и Тувы, во вторую – курганы, исследованные на территории Минусинской котловины. Результаты, полученные в ходе анализа, приведены с учетом подобного разделения.

Для погребального ритуала населения тюркской культуры Горного Алтая характерна определенная вариативность ориентировок. В то же время очевидно преобладание направления умерших головой в восточный сектор горизонта. Выделяется группа объектов, при изучении которых зафиксирована северная ориентация людей. Все сказанное справедливо и для обряда тюрок Тувы, с той лишь поправкой, что несколько меньше отмечено отклонений от востока; в качестве второй традиции заметна ориентация людей на север. Совершенно иная ситуация характерна для погребений кочевников Минусинской котловины. В данном случае для людей наиболее распространена ориентация на запад с отклонениями на север и юг, при этом также зафиксировано северное направление.

Лошадь или овца присутствовали в 86,4 %¹ погребений тюркской культуры Горного Алтая, 86,3 % Тувы и 80,6 % Минусинской котловины.

¹ Здесь и далее все процентные показатели приведены с учетом того, что кенотафы и «самостоятельные» захоронения лошадей рассмотрены отдельно и не включены в общую статистику.

синской котловины. Объекты с сопроводительным захоронением овцы зафиксированы дважды в Туве и в двенадцати случаях при исследовании памятников тюрок Среднего Енисея. Замена лошади в большинстве случаев была связана с половозрастными характеристиками умершего [Худяков, 2004. С. 48], что позволяет включать подобные объекты в круг «погребений с конем» [Нестеров, 1990. С. 84]. Преобладающая ориентация животных в курганах тюркской культуры Горного Алтая связана с западным сектором горизонта, значительно реже встречены северное и южное направления. Аналогичная ситуация характерна и для других территорий.

Остановимся на особенностях расположения сопроводительных захоронений животных относительно погребенных людей. Один из важных показателей – соотношение их ориентировки. Для Горного Алтая и Тувы стандартным является противоположное направление лошади к человеку: 86,3 и 93,2 % соответственно. И вновь серьезным образом отличается традиция захоронения животных в курганах тюркской культуры Минусинской котловины: для погребений кочевников Среднего Енисея преобладает одинаковое направление человека и лошади (81,5 %). Интересной является корреляция рассматриваемого показателя с тем, с какой стороны расположено животное по отношению к умершему. Для памятников тюркской культуры Горного Алтая и Тувы характерна следующая закономерность: в абсолютном большинстве случаев лошадь (овца) находилась слева от человека (90,5 и 93,2 %), однако тогда, когда наблюдалась широтная (преимущественно северная) ориентация умерших, животное зачастую было помещено справа. При исследовании погребений тюрок на Среднем Енисее зафиксировано преобладание расположения животного справа от человека (66,6 %), присутствует и другая традиция (33,3 %).

При изучении особенностей ритуала носителей тюркской культуры зафиксировано несколько случаев, являющихся специфичными для обрядности рассматриваемой общности. Интересно, что некоторые из них находят аналогии в традициях, характерных для населения булан-кобинской культуры Горного Алтая «гунно-сарматского» времени. К таковым можно отнести расположение лошади и человека в одну линию, встречен-

ное на могильнике Улуг-Хорум в Туве [Грач, 1982. С. 156–157, рис. 1], а также помещение животного над погребенным, зафиксированное дважды на территории Горного Алтая [Могильников, Елин, 1983. С. 129–130, рис. 4; Кирюшин и др., 1990. С. 233]. Довольно специфичной является традиция захоронения лошади рядом с человеком, но в отдельной яме, обнаруженная при раскопках впускного раннесредневекового погребения на могильнике Аржан в Туве [Комарова, 1973. Рис. 1]. В одном случае подобная ситуация встречена и при исследовании памятников булан-кобинской культуры [Матренин, 2005. С. 41]. Точка зрения о том, что раздельные погребения человека и коня характерны для раннесредневековых объектов могильника Кудыргэ [Азбелев, 2000. С. 4], на наш взгляд, не соответствует действительности. В связи с тем, что материалы известного некрополя традиционно привлекают повышенное внимание и нередко становятся основой для достаточно серьезных выводов, считаем необходимым рассмотреть обозначенный вопрос более подробно.

В пользу того, что в ходе исследования могильника Кудыргэ зафиксированы самостоятельные объекты (одиночные погребения людей и отдельные от них захоронения лошадей), а не «раздельные погребения человека и коня в разных, но стандартно соотношенных ямах: могилы 1 и 2, 3 и 4, 6 и 8, 22 и 23» [Азбелев, 2000. С. 4], свидетельствует ряд показателей. В первую очередь, следует обратить внимание на значительное расстояние между обозначенными объектами [Гаврилова, 1965. Табл. II]. Кроме того, все погребения имеют отдельные наземные сооружения. Существенным является тот факт, что конское снаряжение присутствует не только в отдельных захоронениях лошадей, но и одиночных погребениях людей. Подобное дублирование не может быть объяснено в том случае, если могилы рассматриваются как единый комплекс, и не находит, насколько нам известно, аналогий в памятниках тюркской культуры. Итак, на наш взгляд, обоснованным является отнесение объектов № 1, 3, 8 могильника Кудыргэ к «самостоятельным» захоронениям лошадей, а могил № 2, 4, 6 – к одиночным погребениям людей. Отметим, что объекты без сопроводительного захоронения лошади, но с набором конского снаряжения получили

определенное распространение в раннем средневековье, в том числе и в памятниках тюркской культуры (см.: [Грач, 1968. Рис. 49; Елин, Могильников, 1993. С. 219; Худяков, Борисенко, 1997. Рис. 1, 2; Кирюшин и др., 1998. Рис. 2, 3; Трифонов, 2000. Рис. 1] и др.). Объект № 22 могильника Кудыргэ, безусловно, относится к «парным» кенотафам. Специфика подобных памятников достаточно подробно раскрыта в ряде исследований [Савинов, 1987; Серегин, 2008. С. 145–146].

Продолжая рассмотрение основных элементов ритуала, отметим, что одним из важных признаков, характеризующих погребения по обряду ингумации, является положение умерших. Для обозначенного показателя обряда кочевников тюркской культуры характерна наибольшая унификация – погребенные были положены вытянуто на спине. Незначительные отклонения не превышают порога единичности. В то же время важно отметить, что ряд памятников, для которых характерны специфичные признаки в рамках обозначенного элемента ритуала [Гаврилова, 1965. Табл. IX-Б; Могильников, 1990. Рис. 14, 16; Худяков и др., 1990. Рис. 4; Тишкин, Горбунов, 2005. Рис. 30], относятся к начальным этапам существования тюркской культуры. Эта особенность, как и отмеченные выше специфичные характеристики расположения лошади в некоторых погребениях, могут являться дополнительными показателями, подтверждающими наличие преемственности с традициями предшествующего времени. Тесную связь булан-кобинской и тюркской культур отмечает целый ряд специалистов [Мамадаков, 1990; Горбунов, Тишкин, 2002; Кубарев, 2005. С. 19; Тишкин, 2007. С. 194–195; Серегин, 2009а]. При этом следует признать, что подробное раскрытие механизмов данной преемственности требует проведения отдельного исследования.

Кратко остановимся на других специфических особенностях погребального ритуала кочевников тюркской культуры. Интерес представляют случаи различной ориентации лошадей в одном погребении, встреченные дважды на территории Горного Алтая [Гаврилова, 1965. Табл. XXIII; Соловьев, 1999. С. 24, рис. 4]. Судя по имеющимся данным, подобная ситуация зафиксирована и в Монголии [Худяков, Лхагвасурэн, 2002]. Не ха-

рактерным для обрядности тюрок является помещение в могилу шкуры лошади, встреченное на могильниках Саглы-Бажи-III и Аймырлыг в Туве [Грач, 1968. С. 106; Овчинникова, 2004. С. 102]. Аналогии этой традиции в средневековье имеются в различных районах Центральной Азии, однако вопрос о культурной и этнической принадлежности погребений остается дискуссионным [Нестеров, 1990. С. 63–67].

Для выяснения закономерностей, характерных для погребального обряда любой общности, определяющее значение имеют вопросы хронологии. Датировка конкретных памятников может прояснить ряд проблем, связанных с появлением, развитием и возможностью заимствования отдельных элементов обряда. На сегодня наиболее разработанной является хронология погребальных памятников тюркской культуры Горного Алтая [Горбунов, Тишкин, 2003; Тишкин, Горбунов, 2002; 2005. С. 161–163]. Важной особенностью обозначенной территории является то, что влияние на обрядность других культур, традиций кочевников было сведено к минимуму. Это особенно заметно при сравнении с политической историей Тувы и Минусинской котловины в раннем средневековье. Кроме того, Горный Алтай, по всей видимости, являлся местом формирования тюркского этноса и культуры [Горбунов, Тишкин, 2002; Тишкин, 2007. С. 192–194]. Важным обстоятельством является тот факт, что именно на этой территории исследовано наибольшее количество памятников раннесредневековых кочевников. Все перечисленные обстоятельства позволяют предполагать, что в Горном Алтае может быть зафиксирован погребальный обряд кочевников тюркской культуры в наиболее «чистом» виде. Разработанность хронологии, в свою очередь, позволит приблизиться к разрешению вопросов, которые обозначились в ходе изучения особенностей ритуала номадов.

В первую очередь нас интересует выявление зависимости во времени существования «северного направления» в обряде кочевников, так как очевидно, что традиция ориентации умерших на восток присутствовала на всех этапах развития культуры. Имеющиеся материалы не позволяют говорить о прямой связи между рассматриваемыми показателями. Случаи меридионального направления человека и животного

в курганах тюркской культуры Горного Алтая появляются на кудыргинском этапе и существуют до конца I тыс. н. э. Не выявлено явных закономерностей и в их географической локализации, хотя несколько больше подобных объектов в юго-восточной части рассматриваемого региона.

В то же время нельзя однозначно распространять сделанные выводы и на все остальные территории распространения тюркской культуры. В данном случае необходимо учитывать специфику каждой области в плане наличия этнокультурных контактов во второй половине I тыс. н. э. В частности, неоднозначной представляется ситуация с погребениями тюркской культуры Тувы. Дело в том, что эта территория, по мнению многих исследователей, была подвержена наиболее сильному влиянию уйгурской культуры. Данное обстоятельство могло определенным образом повлиять и на обрядность тюрок. Осложняет ситуацию то, что на сегодня нет единой точки зрения по поводу выделения погребений обозначенной общности [Кызласов, 1969; 1981; Гаврилова, 1974; Худяков, Цзвендорж, 1982; Варламов, 1987]. Можно утверждать, что многие проблемы в этом отношении будут решены при уточнении периодизационной схемы развития тюркской культуры на территории Тувы.

Не менее важным мероприятием представляется разработка хронологии для погребений раннесредневековых кочевников Минусинской котловины. Наиболее спорными в данном случае являются вопросы о времени проникновения носителей обряда погребения человека с лошадью на Средний Енисей во второй половине I тыс. н. э., а также об их этнической принадлежности. Не останавливаясь на рассмотрении исследовательских позиций [Худяков, 2004. С. 6–14], отметим, что большинство специалистов видят в появлении тюрок в Минусинской котловине результат завоевательной операции или миграции. Поэтому весьма актуальным можно считать выделение наиболее ранних погребений тюрок на Среднем Енисее для того, чтобы прояснить особенности формирования варианта культуры на обозначенной территории.

Безусловно, сложнейшим вопросом является интерпретация элементов погребального ритуала с точки зрения специфики мировоззренческих представлений ранне-

средневековых кочевников. На наш взгляд, невозможно предложить исчерпывающего объяснения для всех объектов, что обусловлено влиянием целого ряда факторов: различные традиции отдельных групп населения, влияние конкретной ситуации на особенность обряда, сложность этнокультурной и политической истории Саяно-Алтая в рассматриваемый период и многие иные. В данном случае мы можем говорить лишь о наличии определенных тенденций и рассматривать преобладающие традиции в погребальной обрядности раннесредневековых кочевников. При этом важно отметить, что попытки интерпретации должны быть основаны не только на анализе археологического материала – необходимо также привлечение данных этнографии, письменных источников, фольклорных произведений и др.

По всей видимости, следует согласиться с теми исследователями, которые считают, что конь в погребальном обряде раннесредневековых кочевников Центральной Азии выполнял функции по доставке хозяина в загробный мир (см.: [Липец, 1982; Овчинникова, 1983; Нестеров, 1990; Дубровский, Юрченко, 2000] и др.). В таком случае, ориентировка лошади совпадала с направлением, в котором этот мир, по представлениям кочевников, располагался. При исследовании погребальных памятников тюркской культуры на территории Саяно-Алтая преобладало направление животных на запад, зафиксирована также северная ориентировка. По этнографическим сведениям именно эти стороны горизонта в мировоззрении тюркских народов Саяно-Алтая ассоциировались с миром мертвых [Львова и др., 1988]. Косвенно подтверждают данное утверждение и сведения письменных источников, что не раз отмечалось специалистами [Дубровский, 2005].

Отметим, что, согласно данным, полученным нами в ходе анализа погребальных памятников по методу В. В. и В. Ф. Генингов [1985], кочевники тюркской культуры при совершении похорон могли ориентироваться не по восходу, а по заходу солнца. В данном случае не исключено, что определяющей являлась ориентация лошади, однако, возможно, значение имело направление человека ногами на запад, что символизировало готовность к отправлению в загробный мир [Подосинов, 1999. С. 582–583]. Следует

признать, что последние предположения отличаются наибольшей гипотетичностью, так как комплекс мировоззренческих представлений раннесредневековых кочевников, несмотря на наличие письменных материалов и опыт интерпретации археологических памятников, остается практически не изученным.

Рассмотрение основных элементов ритуала населения тюркской культуры Саяно-Алтая позволяет сделать ряд предварительных выводов. При этом необходимо учитывать, что приведенные цифры могут впоследствии быть скорректированы с привлечением новых материалов, недоступных прежде источников и др., однако выявленные тенденции, судя по всему, сохраняют актуальность.

Так представляется возможным обозначить две группы памятников, различающихся по ряду показателей, причем выявлена их территориальная обособленность. Для первой группы характерна ориентация человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади (овцы) и расположение животного слева от погребенного. Подобный набор признаков можно считать стандартом погребального ритуала² для тюрков Горного Алтая (53 %) и Тувы (60,78 %). К первой группе также относится большинство памятников, исследованных на территории Монголии. Вторая группа отличается тем, что человек и животное ориентированы на запад с отклонениями, причем лошадь (овца) находится справа от погребенного. Подобная ситуация является характерной для кочевников Минусинской котловины (49,25 %). Обратим внимание на то, что выявленные различия в погребальном ритуале являются важным положением для обоснования «минусинского» локального варианта тюркской культуры [Серегин, 2009б].

Помимо преобладающей восточной (в Туве и Горном Алтае) и западной (в Минусинской котловине) ориентации погребенных выделяется северное направление, которое условно можно считать самостоятельной традицией.

В ходе исследования не выявлено прямой зависимости между хронологической позицией погребения и ориентировкой человека и животного. Однако нельзя исключать, что впоследствии возможно обозначение некоторых закономерностей, причем наибольшие перспективы представляет изучение памятников Тувы. Различные отклонения в ориентации и положении человека и животного, учитывая сложную этническую и политическую ситуацию в Южной Сибири в раннем средневековье, могут быть связаны с особенностями этнокультурных контактов.

Некоторые специфичные элементы ритуала раннесредневековых кочевников могут быть связаны с традициями, отмеченными в ходе исследования погребений булан-кобинской культуры населения Горного Алтая «гунно-сарматского» времени. Основные показатели обрядности, характерные для населения тюркской культуры, сформировались уже на раннем этапе ее существования.

Погребения людей без сопроводительного захоронения животного не могут быть объяснены только лишь разницей в социальном статусе кочевников. В то же время количество лошадей являлось одним из показателей социального и имущественного статуса умершего.

Традиция совершения сопроводительного захоронения лошади в погребальном обряде кочевников тюркской культуры требует дальнейшего рассмотрения и интерпретации. Нами отражены только некоторые аспекты, связанные с этим компонентом ритуала кочевников. Необходимо добавить, что захоронение лошади является этносоциальным маркером обряда раннесредневековых кочевников.

В связи с этим весьма перспективно изучение одиночных погребений тюрков Саяно-Алтая, уже упомянутых в данной работе. В настоящее время обозначенная особенность ритуала кочевников не получила должного объяснения и исследована явно недостаточно. Большинство специалистов одиночные погребения в культуре кочевников раннего средневековья связывают с обрядовой практикой, характерной для населения предшествующего времени, сохранившего традиции, не характерные для «алтайских тюрков» [Кызласов, 1969. С. 22–23; Длужневская, Овчинникова, 1980. С. 83;

² Стандартом может считаться признак или их совокупность в том случае, если они присущи не менее чем 50 % объектов анализируемой выборки [Материн, Тишкин, 2005. С. 155].

Нестеров, 1990. С. 50]. На наш взгляд, ответ на данный вопрос не столь очевиден. Это требует целенаправленного рассмотрения с учетом новых материалов и принятия во внимание специфики развития населения конкретной территории. Необходимо также специальное изучение вопросов, связанных с рассмотрением проявления половозрастной дифференциации в ритуале населения тюркской культуры.

Список литературы

- Азбелев П. П.* К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2000. С. 4–5.
- Вайнштейн С. И.* Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. № 3. С. 60–81.
- Варламов О. Б.* О датировке «уйгурских» погребений Тувы // Проблемы археологии степной Евразии. Кемерово, 1987. Ч. 2. С. 181–183.
- Войтов В. Е.* Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М., 1996. 152 с.
- Гаврилова А. А.* Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Гаврилова А. А.* Сверкающая чаша с Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтая) // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974. С. 177–182.
- Генинг В. В., Генинг В. Ф.* Метод определения традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985. С. 136–152.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А.* Археологические культуры Горного Алтая эпохи раннего и развитого средневековья // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2. С. 227–229.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А.* О территории формирования тюркского этноса // Тюркские народы. Тобольск; Омск, 2002. С. 43–46.
- Грач А. Д.* Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // ТТКАЭЭ: Материалы по археологии и этнографии Западной Тувы. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 73–150.
- Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. 94 с.
- Грач А. Д.* Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // Тюркологический сборник. М., 1966. С. 188–193.
- Грач А. Д.* Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. М., 1968. Вып. 114. С. 105–111.
- Грач А. Д.* Принципы и методы историко-археологических реконструкций форм социального строя // Социальная история народов Азии. М., 1975. С. 158–183.
- Грач А. Д., Нечаева Л. Г.* Краткие итоги исследований первой группы археологического отряда ТКЭИЭ // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1960. Вып. 8. С. 185–192.
- Грач В. А.* Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.
- Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрко-туту // СА. 1959. №1. С. 107–114.
- Дашковский П. К., Серегин Н. Н.* Кенотафы кочевников Алтая в эпоху поздней древности и раннего средневековья // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 83–100.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б.* Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.
- Дубровский Д. В.* Идея рядности в культуре кочевников Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ, 2005. С. 91–101.
- Дубровский Д. В., Юрченко А. Г.* Жертвенный конь и концепт пути в погребальном обряде кочевников Центральной Азии // Святотелища: археология ритуала и вопросы семантики. СПб., 2000. С. 187–190.
- Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. М., 1952. № 24. С. 72–120.
- Елин В. Н., Могильников В. А.* Исследование древних курганов Беш-Озека // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2. С. 218–220.
- Ермоленко Л. Н.* Древнетюркская ограда, изваяние, балбалы как культовый ком-

плекс // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 166–168.

Кирюшин Ю. Ф., Горбунов В. В., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень-VI // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 1998. № 3. С. 165–175.

Кирюшин Ю. Ф., Неверов С. В., Степанова Н. Ф. Курганный могильник Верх-Еланда-I в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 224–242.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб, 2005. 346 с.

Комарова М. Н. Тюркское погребение с конем в Аржане // Учен. зап. ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1973. Вып. 16. С. 207–210.

Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.

Кубарев В. Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. Барнаул, 2001. С. 24–54.

Кубарев Г. В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.

Кызласов Л. Р. По поводу одного ответа // СА. 1965. № 4. С. 282–286

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. 211 с.

Кызласов Л. Р. Культура древних уйгур (VIII–IX вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 52–54.

Леонова Н. Б., Смирнов Ю. А. Погребение как объект формального анализа // КСИА. М., 1977. Вып. 148. С. 16–23.

Липец Р. С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 212–236.

Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с.

Мамадаков Ю. Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине

I тыс. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

Массон В. М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., 1976. 191 с.

Матренин С. С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2005. Вып. 2. С. 35–51.

Матренин С. С., Тишкин А. А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. Иркутск, 2005. С. 152–183.

Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 28–43.

Могильников В. А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 137–185.

Могильников В. А., Елин В. Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. Горно-Алтайск, 1983. С. 127–153.

Нестеров С. П. Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. 143 с.

Овчинникова Б. Б. Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг // Древности Востока. М., 2004. С. 86–110.

Овчинникова Б. Б. К вопросу о захоронениях в подбоях в средневековой Туве // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1983. С. 60–68.

Ольховский В. С. Погребальная обрядность (содержание и структура) // РА. 1993. № 1. С. 78–93.

Подосинов А. В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. 720 с.

Савинов Д. Г. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1972 года. М., 1973. С. 235–236.

Савинов Д. Г. Парный кенотаф древнетюркского времени // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 80–89.

Серегин Н. Н. Традиция сооружения кенотафов кочевниками тюркской культуры // Археология степной Евразии. Кемерово, 2008. С. 144–153.

Серегин Н. Н. Булан-кобинская и тюркская культуры Горного Алтая: проблема

преемственности // Полевые исследования в Горном Алтае на современном этапе (археология, этнография). Горно-Алтайск, 2009а. С. 46–50.

Серегин Н. Н. Проблема выделения локальных вариантов тюркской культуры Саяно-Алтая // Социогенез в Северной Азии. Иркутск, 2009б. С. 28–33.

Соловьев А. И. Исследования на могильнике Усть-Чоба-I на Средней Катунь // Изв. лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1999. № 4. С. 23–33.

Тишкин А. А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 82–91.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005. 200 с.

Трифонов Ю. И. Древнетюркская археология Тувы // Учен. зап. ТННННННН. Кызыл, 1971. Вып. 15. С. 112–122.

Трифонов Ю. И. Погребение X в. н. э. на могильнике Аргалыкты-I // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 143–156.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск, 2004. 152 с.

Худяков Ю. С., Борисенко А. Ю. Своеобразное впускное погребение древнетюркского времени на могильнике Тянгис-Тыт // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 1997 г. Новосибирск, 1997. Т. 4. С. 369–373.

Худяков Ю. С., Лхагвасурэн Х. Находки из древнетюркского погребения в местности Загал в Монгольском Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 8. С. 94–105.

Худяков Ю. С., Скобелев С. Г., Мороз М. В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 г. // Археологические исследования на Катунь. Новосибирск, 1990. С. 95–150.

Худяков Ю. С., Цэвэндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 85–94.

Материал поступил в редколлегию 15.02.2010

N. N. Seregin

FUNERAL RITUAL OF THE TURK CULTURE'S NOMADS OF SAYAN-ALTAY REGION

During the long-term works in the territory of the Mountain Altay, the Tuva and the Minousinsk intermountain hollow a lot of funeral objects of the Turk culture were excavated. Some experience in the field of interpretation of the results of researching was obtained. But at the same time there are a lot of questions which are necessary to study single-mindedly. The main results of the analyses of different components of the funeral ritual of the Turk culture's population of the Sayan-Altay region are presented in the article. More than 300 monuments of this community was studied. Such features as the orientation and the position of the deads and the specificity of the attendant burial of the horse were concerned. The systematization of this materials permitted to pick out two groups of monuments, which characterized by the different standard of the funeral ritual. The possible explanations of the specificity of revealed traditions were presented. The comparison of the facts obtained with the results of studying of the funeral rite of the Turk culture will permit to concerning of the historic-cultural and the ethno-social processes in the Sayan-Altay region in the early Middle Ages in detail.

Keywords: Sayan-Altay region, early Middle Ages, Turk culture, funeral ritual, attendant burial of the horse, orientation and the position of the deads.